

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

Во граде Киевѣ бысть при старосте,
При великом князе Манамахе Владимеровиче,*
Был богатырь стар добръ,
Больши ему девяноста лѣтъ.
Да охочь был до потѣхи кречятные,*
Не покинулъ он потехи и до старости.
Лучилось ему выехать с красным кречятом*
На праздникъ на Усекновение чесныя главы Ивана
Предотечи.*

И не доежаючи быстра Непра Слаутича,
Наехалъ на малой заводи многия лебеди.
И богатырь тому учал дивитися:
«На той на малой заводе не наживал
Я ни гусей, ни утят, ан нынеча
Вижу многия лебеди — а все то не даром.
Поеду, поеду посмотрю быстра Непра Слаутича».*
И приезжает Сухан ко быстру Непру Слаутичу,
А ужь Непрь река смешалась з желты пески.
И Сухан стал, задумался.
Ажно по заречью ездит человекъ,
А волочит за собою копье с прапором¹,
Да вопит громко голосомъ:
«Ой еси, Сухан Дамантьевичь!
Ты славен в Киеве велик богатырь,
А ²по ся мечь² не вѣдаешь:
Ужь тому девятой день какъ перевозитца

¹ знаменем; ²—² до сих пор.

Через быстрой Непрь царь Азбукъ Товруевичь,*
А с ним 70 царевичей,
А со всяким царевичем
По семидесяти по две тысячи.
В правой руке и в лѣвой,*
И в сторожевом полку не успел сметить¹.
Добрѣ с ним людей много, бес числа.
И наши прародители тѣмъ царем служивали
И царьские приходы вѣсно чинили,*
И вам, богатырем, в Киеве было вѣдомо».
Да молвилъ слово и поехал прочь.
И Сухан стал, закручинился,
И мечет кречата с руки далече,
И рукавицу о землю бросает.
Не до потехи стало Сухану кречатные,
Стало до дѣла государева:
«По грѣхомъ есми запросто выехал,
Саадака* и сабли нѣт на мнѣ
И никакова ратнова оружия.
Поехать мнѣ х Киеву для ратнова оружия —
И богатырей в Киевѣ умножилось,
И в правосте своей под старость
Не прослыть сиротиною».
И поехалъ Сухан ко дуброве зеленой,
И наехал сыр-зелен падубок²,
Да вырвалъ ево и с кореньемъ,
Да едет с ним не очищаючи.
И как выезжает из добровы зеленые,
А не бѣлой камень на горах белеются,
Белеютца dospѣхи ихъ во всѣх полках.
И некак богатырю людей сметить.
Учал богатырь Богу молитися:
«О, царице Богородице!
Утоли стремление безумное,
Смири сердце нечестивое.
Похваляся бусурьман и горьдъ пошел
Пленить землю Рускую,
Разорить вѣру крестьянскую,
Разърушитъ мѣсто церкви Божии,

¹ сосчитать, исчислить; ² молодой ясень.

Осквернити мѣсто чудотворное.
О, царице Богородице!
По грѣхом есми запросто выехал,
Саадака и сабли нѣт на мнѣ,
Никакова ратнова оружия.
Только у меня сыр-зелен падубокъ,
И тово мнѣ очистить нечем». Учал богатырь плакати
И горячи слезы ронить.
Загаркал, напустил на них:
Свищет падубокъ в рукъ богатырской,
Ломаются древа *копейные*,
Щепляются щиты татарские,
Валяются шоломы их
З головами *татарскими*.
И учили татаровя острог ставить,
Одернулися¹ телегами ординскими.
А говорит Сухан Дамантьевичъ:
«Которые татаровя на Руси не бывали,
Те про Сухана не ведают,
И онѣ у товарищев своихъ слыхали в ордах смолода.
А нынѣ, а ныне со мною
Они без городу² не умеют битися!»
Кольнул Сухан под собою коня
Острогами булатными,
Конь ево скочил через телеги ордынские,
Стал среди острогу татарскова.
И Сухан бьет татар падубком
На всѣ четыре стороны.
Куды *Сухан* ни оборотится,
Тут татар костры* лежат,
Тех татар всех побилъ.
Да едет Сухан ко быстру Непру Слаутицю на берегъ,
Да вопит громко голосомъ:
«Царь Азбукъ Товруевичъ!
Вели меня подождати малехонко,
Яз тебѣ ис Киева выведу поминки многия
От царя и великаго князя Владимирера,
И всемъ твоим князьямъ, и татаровям,

¹ окружили себя; ² ограждения.

И мурзам, и улановям без выбору.
По грехом есми запросто выехал:
У падубка коренье обломалося,
Одно лишь осталось обломчишко».
Да молвил слово, поплыл за быстрой Непрь.
Царь Азбук, видя свою неминуемую,
Убить богатыря нечим,
Велѣлъ зарядить три порока,*
А въ пороке по рогатине.
И скоро мечютца к оврагу глубокому,
И заредили борзо три порока,
А в пороке по рогатине.
И Сухан переплыл через быстрой Непрь,
Не переехал скоро с обломчишкомъ на берег.
И татаровя ис порока стрелили да грѣшили¹,
Из другова стрѣлили — грѣшили,
Из третьева стрелили — убили богатыря
Против сердца богатырскова,
Отрезали коренье сердечное.
И богатырь забыл рану смертную,
Загаркал, напустил, да и тѣхъ побилъ всех татар.
И богатырь узънал рану смертную,
Учал борзо спешить ко граду
.
Узрѣл на Сухане рану смертную,
И послал по лекари многия,
И у Софѣи* велѣлъ молебны пѣть за Суханово здорovie.
И учал государь Сухана жаловать
Своимъ жалованным словомъ:
«Сколько тебѣ, Суханушъко, городов и вотчин надобѣ,
Тѣмъ тебя пожалую за твою великую службу».
И Сухан государю бьет челом:
«Дошло, государь, не до городов, ни до вотчин.
Дай, государь, холопу жалованное слово
И прощенье последней».
Молвил слово, в том часу и умолкнул.
Не злата труба вострубила,
Восплакала мать Суханова:

¹ промахнулись.

«Хотя тебя, Суханушко, звали бражником,
И охочь был пропиватися,
А ныне ты над собою, видишь, совершенье учинил.
Не о том я плачу, что вижу тебя смертнаго,
Плачу я о твоём доротъце¹ во истинной храбърости,
Что еси дорос челоувчества,
Умеръ на служъбе государеве».
И отънесла ево в пещеру каменну:
«Тут тебѣ, Суханушко, смертной животъ во вѣки».

¹ красоте, величии.